

Майнвэ роздэншя

(1915—1929)

Париж, XX округ, улица Бельвиль, дом 72, 1966 год. На покатых тротуарах сотни зевак. У подножия здания скромной пятиэтажной постройки можно увидеть представителей театрального и артистического бомонда города. Среди них и семидесятивосьмилетний Морис Шевалье, родившийся в квартале Менильмонтан, раскинувшемся на соседнем холме, и пятидесятишестилетний Бруно Кокатрикс, директор «Олимпии», и тридцатилетний Тео Сарапо, бывший парикмахер, ступивший на певческую стезю четырьмя годами ранее. Все эти мужчины любят мемориальную плитой, только что водруженной над входной дверью дома. На мраморе отчетливо видны слова: «На ступенях этого дома 19 декабря 1915 года в крайней нужде родилась Эдит Пиаф, чей голос позднее потрясет мир». Они пришли сюда через три года после смерти певицы, пришли, чтобы присутствовать при открытии мемориального памятника; они не могли не прийти, потому что каждый из этой троицы был связан с Пиаф самыми тесными узами. Первые двое мужчин знали ее с 1935 года, с того

самого момента, когда началась карьера артистки; что касается Тео Сарапо, то он стал последним мужем Эдит.

Толпа, друзья, семья — все чрезвычайно взволнованы, каждый из присутствующих представляет себе трогательную сцену, словно заимствованную из мелодрамы Эжена Сю¹: одна из величайших певиц столетия рождается прямо на грязном тротуаре Парижа. Однако, вероятнее всего, рождение Пиаф произошло отнюдь не в столь плачевных условиях, оно, как и множество других событий в жизни певицы, было «драматизировано» задним числом для создания легенды.

То, что Пиаф родилась на улице, не вызывает никаких сомнений. Но лишь как певица. Впрочем, факт «печального рождения» был широко растиражирован Луи Лепле, человеком, который «обнаружил» Эдит и представил ее публике. Именно отсюда и возник миф о ребенке, увидевшем свет на парижской мостовой. Трогательную историю охотно подхватили вездесущие и не слишком дотошные журналисты, следившие за жизнью звезды с первых мгновений ее карьеры. Заинтересованная в создании определенного имиджа, Пиаф никогда не опровергала обман. Прежде всего потому, что с присущей ей профессиональной хваткой актриса сразу же поняла, что подобная «мизерабилистская» версия рождения, будоражащая души людей, способствует ее карьере. Плюс к этому и сама Эдит, несомненно, не знала точных обстоятельств своего появления на свет.

По правде говоря, их не узнает никто и никогда, но меж тем метрика девочки позволяет строить более или менее реалистичные гипотезы. Что же написано в этой метрике? 19 декабря 1915 года в 5 часов утра «на улице Китая родилась Эдит Джованна, дочь Луи Гассиона, тридцать четыре года, артист-акробат, и его супруги Аннетты Джованны Майяр, двадцать лет, лирическая певица, проживающих по адресу улица Бельвиль,

¹ Французский писатель, настоящее имя Мари Жозеф (1804—1857). Особым успехом пользовались его авантюрно-мелодраматические романы-фельетоны, рисующие «дно» Парижа. (Примеч. пер.)

дом 72». Факты, приведенные в документе, заставляют забыть об утверждении, что мать Эдит якобы была вынуждена рожать прямо на улице, потому что у нее не имелось никакого жилья. Также возникает вопрос: если Аннетта Майяр жила в строении 72 по улице Бельвиль, то почему она разрешилась от бремени прямо на пороге собственного дома?

Следующий вопрос: почему местом рождения Эдит названа «улица Китая»? В данном случае метрика предоставляет нам еще одну любопытную деталь. В отсутствие отца ребенка в мэрии XX округа зарегистрировала некая медицинская сестра по имени Жанна Крозье, проживающая по адресу: улица Китая, дом 4. Указывает ли эта запись на то, что мать Эдит разродилась дома у вышеназванной дамы? Нет, все много проще: улица Китая, дом 4 — это адрес госпиталя Тенон и прикрепленного к нему родильного дома. Книга записей госпиталя подтверждает, что роды проходили именно там при непосредственном участии акушерки Жанны Крозье, а также двух врачей — доктора Жюля Дефлёра и интерна Жака Говье.

Тщательное изучение метрики позволяет опровергнуть еще одну ложь: присутствие отца Эдит в Париже в день ее рождения. Согласно фантастическим рассказам различных биографов, Луи Гассион, в то время военный служащий (а дело было в разгар Первой мировой войны), якобы получил увольнительную, чтобы присутствовать при знаменательном событии. По рассказам одних, по дороге в столицу равнодушный к спиртному Гассион загулял и посетил не одно питейное заведение, что помешало ему лично доставить беременную супругу в больницу. Согласно другой версии, папаша все-таки добрался до места назначения вовремя, однако, отправившись за помощью, завернул в ближайшее бистро. Неудивительно, что все эти подробности, достойные романа Золя, соблазнили досужих фантазеров, но не существует ни единого доказательства этих сомнительных утверждений. И, по мнению Бернара Маршуа, президента Ассоциации друзей Эдит Пиаф, много

вероятнее, что Луи Гассион не смог приехать в Париж просто потому, что выполнял свой долг солдата.

Итак, Эдит была дочерью акробата и лирической певицы. Луи Гассион родился 10 мая 1881 года в Фалезе (коммуна Кальвадос), небольшом городке в Нормандии, где испокон веков проживала его семья. Луи чтит семейные традиции и потому решил освоить профессию циркового артиста. Его отец, Виктор, был наездником, сестры выступали с акробатическим номером, а сам юноша стал «антиподистом и человеком-змеей». Иными словами, он был достаточно гибок, чтобы заставлять свое тело изгибаться в самых немислимых позах и при этом жонглировать с помощью ног.

Луи встретил Аннетту (или Аниту) незадолго до начала Первой мировой войны, в то время девушке исполнилось девятнадцать лет — а не шестнадцать, как будут утверждать впоследствии. Официально она считалась певицей, но при случае, чтобы свести концы с концами, торговала сладостями. Несмотря на разницу в возрасте почти в пятнадцать лет, Аннетта влюбилась в привлекательного акробата. Будучи мобилизованным, Луи прервал цирковую деятельность и присоединился к своему полку, расквартированному в Сансе. Именно в этом городке департамента Йонна 4 сентября 1914 года, через несколько дней после начала войны, влюбленная пара и сочеталась официальным браком.

Скорее певичка кафешантана низшего разряда, а не «лирическая певица», как записано в метрике о рождении дочери, Аннетта выступала под псевдонимом Лина Марса. Нам мало что известно о творчестве этой певицы, но актер Мишель Симон, который общался с ней в начале ее карьеры, утверждал, что Аннетта обладала очень красивым голосом. Безотцовщина, Лина жила вместе со своей матерью Эммой Саид бен Мохаммед, кабилкой по происхождению. Взяв псевдоним Аиша, в молодости эта женщина освоила экзотическую профессию дрессировщицы блох. Ко времени замужества дочери Эмма работала приходящей прислугой.

После рождения Эдит, которую назвали в честь Эдит Кэвелл, британской медсестры, двумя месяцами ранее расстрелянной немцами за шпионаж, Аннетта — она же Лина — осталась совершенно одна с грудным ребенком на руках. Это произошло вовсе не потому, что Луи ее бросил, просто, будучи солдатом, акробат почти не имел возможности бывать в Париже. Его увольнительные были крайне редки, что не помешало Аннетте снова забеременеть после очередного короткого визита мужа. Таким образом, 31 августа 1918 года в семье появился второй ребенок, Герберт Гассион.

Но у Эдит почти не было времени познакомиться с братом. Когда в конце войны Луи вернулся в Париж, он был искренне возмущен теми условиями, в которых росла его дочь. Ветеран войны обнаружил, что Лина, слишком увлеченная собственной карьерой, поручила девочку заботам Аиши, которая проживала прямо напротив дома супругов Гассион, на улице Ребеваль, дом 91. Возможно, бывшая дрессировщица блох начала разводить этих «прелестных» насекомых и у себя в квартире? В любом случае, свидетельства опишут ее как даму, усердно посещавшую близлежащие быстро и совершенно не озабоченную гигиеной вучки.

Не встретив никакого протеста ни со стороны Лины, чьи материнские инстинкты оказались не слишком-то развитыми, ни со стороны Аиши, Луи вырвал Эдит из той неопишуемой грязи, что царила в доме тещи. Понимая, что сам не сможет заботиться о трехлетней малышке, — а Луи вознамерился снова вернуться к профессии странствующего акробата, — мужчина решил отправить дочь в Нормандию, к своей матери, которая, увы, занималась отнюдь не почетным ремеслом.

Бабушка Эдит по отцу, которая к тому времени покинула Фалез и обосновалась в Берне (департамент Эр), содержала на улице Сен-Мишель, № 7 дом свиданий. Вот так, словно по мановению волшебной палочки, ребенок перенесся из парижских меблированных комнат в нормандский бордель. И если обитательницы